

ЗА ЧИСТОЙ КНИГОЙ

...**Н**еподалёку от Карпогор мы вышли на перрон, и под ногами, взвизгивая, заскрипел снег, морозцем ожгло лицо. Я

взглянул на небо и увидел давно уже не виданные звёзды. Они мягко и ясно светились в чистом ночном небе...

МУРМАНСК – ВОЛОГДА – АРХАНГЕЛЬСК И «ТЕОРИЯ КАСТРЮЛИ»

К этой поездке я начал готовиться заранее, пожалуй, что и за год...

Я находил на карте Пинегу, читал названия сёл и деревень по её берегам... Я мечтал о домах с деревянными конями на крышах, о светлых людях – северянах, таких, как в рассказах Юрия Казакова и в книгах Фёдора Абрамова... Я рассматривал северные работы моего друга художника Молева, читал романы и короткие записи Абрамова, напитокывался духом Севера...

Мой друг художник – скептик, эстет, интереснейший собеседник...

А к тому же он родственник знаменитого художника-северянина Александра Борисова – дед Евгения приходился Борисову двоюродным братом. Евгений – это родство помнит...

Мы сидим за овальным столиком в его мастерской в центре Вологды. Запах красок, скипидара, дерева – на стенах, вдоль стен, в несколько рядов – этюды и картины, а на мольберте ещё неоконченная работа. Пьём чай и рассуждаем:

– Я же тебе рассказывал мою

теорию «кастрюли»? – помешивая ложечкой сахар в чашке, спрашивает Евгений.

– Напомни...

– В золотой век русской культуры, в девятнадцатом веке – кастрюля была полна...

– Чем полна?

– Ну, водой... Или борщом. Борщ этот кипел, бурлил. Вырывались из кастрюли брызги – это гении литературы, живописи, музыки... С наступлением серебряного века – кастрюля выкипела наполовину, но брызги из неё ещё вылетали высоко... А борщ всё выкипал... Нынче бурлим на доньшке...

– Но брызги-то ещё есть, – вставляю я слово.

– Да, но уже так высоко они не взлетают...

Такие и многие другие разговоры вели мы с Евгением, уже всерьёз задумываясь о поездке в Карпогоры и Верколу, потому что я уже получил официальное приглашение на Абрамовские дни.

Случилось это благодаря Андрею Васильевичу Петрову, профессору Архангельского университета имени Ломоносова.

– Вас, наверное, пригласят на празднование столетия Фёдора Абрамова, – сказал мне профессор Петров в Вологде, на Беловских чтениях, и его «наверное» оказалось словом верным, ведь это он и рекомендовал организаторам пригласить меня и ещё нескольких писателей...

...И вот за окном поезда «Москва-Архангельск», на который мы сели накануне вечером в Вологде, проплывают плоские белые северные пейзажи. Могучий мост переносит поезд через Северную Двину (её затаённая пока мощь чувствуется и из-под льда), и вскоре Андрей Петров встречает нас на перроне Архангельского вокзала.

Разместившись в гостинице, мы вновь встретились с Петровым, встретились и познакомились с писателем из Мурманска Дмитрием Коржовым и отправились в экскурсию по городу.

В Архангельске я до этого бывал несколько раз, давно, когда ещё работал тренером и привозил сюда на соревнования своих спортсменов, но те «бывания» можно ограничить словами: «вокзал-спортзал-вокзал» – города я практически не видел...

Идём мимо современных стеклянно-кирпичных домов и мимо приукрашенных наличниками и всё же барачного типа двухэтажных «деревяшек»... Это общее лицо нынешних русских городов покрупнее районного масштаба. И даже местный «Арбат» – пешеходная улица, на которую свезены старинные особнячки – он потому и «Арбат», что везде они сейчас есть. Хотя, конечно, и особнячки, и «городские скульптуры» – Писахов, Сеня Малина, Козьма Прутков – радуют...

Радует и гостиница, мимо которой идём (живём не в этой) – совер-

шенно советская по архитектуре, такие тоже по всей Руси-матушке (наша «Вологда» такая же»), но именно об этой гостинице писал Юрий Казаков (в очерке о поездке на родину Абрамова я приведу большую цитату из Казакова – я считаю это уместным):

«Я сидел наверху этой истоптанной, зажитой, наполненной разными моряками и экспедициями, замусоленной, прекрасной архангельской гостиницы, в нашем номере, среди развороченных рюкзаков, разбросанных вещей, среди всех этих сапог, пачек сигарет, бритв, ружей, патронов и всего прочего, после тяжёлого, ненужного спора о литературе, сидел возле окна, грустно подпёрся, а было уж поздно, в который раз пришла смиренная белая ночь и вливалась в меня, как яд, звала ещё дальше, и хоть я и зол был, но зато хорошо, весело становилось от мысли, что завтра нам нужно устраиваться на зверобойной шхуне, чтобы идти потом к Новой Земле и ещё дальше, куда-то в Карское море...» И далее он писал: «... Я был один, всё вспоминал, как мы только что спорили внизу о литературе с местным знатоком, и думал о мужестве писателя.

Писатель должен быть мужествен, думал я, потому что жизнь его тяжела. Когда он один на один с чистым листом бумаги, против него решительно всё. Против него миллионы написанных ранее книг – просто страшно подумать – и мысли о том, зачем же ещё писать, когда про всё это уже было. Против него головная боль, и неуверенность в себе в разные дни, и разные люди, которые в эту минуту звонят к нему или приходят, и всякие заботы, хлопоты, дела, как будто важные,

хотя нет для него в этот час дела важнее того, которое ему предстоит. Против него солнце, когда тянет выйти из дому, вообще поехать куда-нибудь, что-то такое повидать, испытать какое-то счастье. И дождь против него, когда на душе тяжело, пасмурно и не хочется работать...»

Казаков писал о себе, и об Абрамове, и обо всех настоящих писателях... Писал вот здесь, в этой гостинице, мимо которой мы уже прошли...

Но, всё же, есть ли у Архангельска своё лицо? Что отличает его? В нём нет такой старины, как в Вологде. В нём есть Двина. Северная Двина. И близкое море. «Всё-таки жизнь на берегу большой реки накладывает на людей отпечаток... Этот простор, мощь...», – говорит мне Евгений Молев, много живший на берегах Сухоны и Северной Двины и много поездивший по России. И я, пожалуй, с ним соглашусь...

Кстати, об этом же, о «лице» Архангельска, думал и говорил и Абрамов. Уже после возвращения из Верколы и Архангельска я открыл подаренный мне, к столетию изданный сборник статей и выступлений Абрамова и там прочитал (это выступление в Архангельске 1981 году): «Я очень рад, что появились новые улицы, магистрали..., но в связи со строительством нового города возникает много проблем. И прежде всего: не уподобится ли Архангельск множеству других городов, у которых нет своего лица?» И далее: «А что значит потерять лица городов? Потерять лицо дома? Это потерять лицо человека! Так что совсем не безразлично, где и как живут люди. Люди, когда живут в клетушках, в сотах одинаковых,

каменных, они теряют многое, и в том числе из человеческого духовного богатства...»

Да ведь это точно то, о чём мы только что, через сорок лет после Абрамова, говорили с Евгением Молевым!

В современном Архангельске, наверняка, есть, то, что порадовало бы Абрамова, и есть то, что он яростно не принял бы: бездушные, нарочито богатые особняки, рядом с бараками из 50-х точно не принял бы...

Но, думая о судьбе Архангельска, я ведь думаю и о моей родной Вологде, о том, как горят и горят уже последние настоящие вологодские дома, о том, как появляются бездарные многоэтажные стеклянные курятники, бесстыдно возносясь над остальным городом, о том, как безжалостно закатываются бетоном зелёные берега реки, о том, как бездушно непробиваема власть в своём желании «освоить деньги» и усреднить, упростить, уравнивать наш город, лишить его лица...

Но вернусь в Архангельск...

В музее художественного освоения Арктики имени Борисова экскурсию для нас проводит явно увлечённая своей работой девушка Марина. Она не из тех экскурсоводов, которые, единожды заучив текст, твердят его из раза в раз и очень не любят вопросов или замечаний... Особенно её интересует, конечно, мнение Молева, и как художника, и как родственника Борисова...

Что говорить – Александр Борисов фигура в русской живописи из крупнейших – истинный певец Севера, Арктики, а в жизни ещё и смелый, предприимчивый путешественник, исследователь, организатор, популяризатор своего

творчества. (Ибо, как иронично говорит художник Молев: «Скромность – верный путь к забвению»).

Есть в музее и небольшой раздел, посвященный творчеству «президента Новой Земли» ненца Тыко Вылки. Опять вспомню Юрия Казакова и его повесть «И родился я на Новой Земле, Тыко Вылка...» О нём же написал и вездесущий Евгений Евтушенко: «... Но я прославлю Тыко Вылку, // Хотя он ложку или вилку держать, как надо, не умел// Зато он кисть держал как надо, зато себя держал как надо, // Вот ред-

кость – гордость он имел!»

Потом была ещё прогулка по набережной, встреча с читателями в областной библиотеке – большой, светлой, с окнами на Двину...

А вечером, в гостинице, конечно, разговоры в номере, стихи...

– Дима, почитай своё, прошу я (а как же не попросить поэта почитать стихи!), и Дмитрий Коржов читает. О Мурманске, в котором мне тоже доводилось бывать (да ведь и, пожалуй, добрая половина нынешних мурманчан имеют во- логодские корни).

*– Я люблю этот город солёный,
Сотворённый из моря и скал,
На камнях к небесам вознесённый,
Не на час, не на день – на века!*

*Даже если вдруг скажут: «Поверь ты,
Там лишь сопки, снега да беда,
Закричишь – и никто не ответит –
Съела всё ледяная вода!..»*

*Даже если ветрюга тоскливый
Без мандатов и понятых,
Не боясь участковых сопливых,
Вынет душу ударом под дых,*

*Даже если метель за ворот
Схватит цепко, притянет ко льду,
Мой туманный, заснеженный город,
Всё равно я к тебе приду.*

*Жизнь моя с этим городом слита,
Срок настанет – свободна, легка –
На Папанина или на Шмидта,
Словно птица, уйдёт в облака.*

*В переулке убогом и скользком,
Вечно пахнущем рыбной мукой,
Где-нибудь на проспекте Кольском,
Город мой, я расстанусь с тобой.*

*На Аскольдовцев или на Крупской,
На Пяти неоглядных Углах, –
Там, где девочки семечки лузгают,
Там, где ночь, словно день, светла.*

И мы выпили за Мурманск. И за Вологду, и за Архангельск...

На следующий день ещё было брожение по городу, было, пусть мимолётное, но важное личное знакомство с прозаиком Владиславом Поповым и поэтом Александром Логиновым, была беседа

на радио с Игорем Гуревичем... Всё это было важно, нужно и хорошо, и всё же это были лишь подступы, лишь приближение к главному в этой поездке... Вечером мы – «команда профессора Петрова» – сели в поезд на Карпогоры.

МЕСТО ПИСАТЕЛЯ

Итак, мы вышли на перрон небольшой железнодорожной станции вблизи Карпогор, и под ногами, взвизгивая, заскрипел снег, морозцем ожгло лицо. Я взглянул на небо и увидел давно уже не виданные звёзды. Они мягко и ясно светились в чистом ночном небе...

Из сыкатного межсезонья мы попали в зиму. Нас уже встречали организаторы, ждал автобус, а вскоре и маленькая гостиница у бывшего аэродрома. Как позже узнали, наша гостиница – это в недавнем прошлом дом отдыха для лётного состава... Совсем ещё недавно «малая авиация» связывала все райцентры, все более-менее крупные населённые пункты Севера.

Теперь многие аэродромы, как и этот в Карпогорах, законсервированы. Возможно, до лучших времён...

И утро не обмануло наших ожиданий. День был светлый от снега и солнца, бодрый от морозца... Ждал и автобус. И вскоре мы оказались на «улице деревянных коней» – сбылась моя мечта, я увидел эти ковчег из былой, славной жизни...

После праздничного открытия Абрамовских дней на площади мы во главе всё с тем же Петровым осматривали выставки в Доме народного творчества, беседовали с руководителем изостудии, ещё с кем-то. И увидев мельком коренастого человека с красивой седой

бородой, я сначала просто подумал: «Как на Мартышина похож» и даже отвернулся. И услышал свою фамилию, он тоже обо мне, видно, спросил. Ну, да! Это и был Владимир Сергеевич Мартышин. С которым до этого дня я был знаком лишь по короткой встрече в Некрасовском имении под Ярославлем, а до того, как часто ныне бывает, – по «соцсетям».

О Мартышине и его деле надо писать книгу... Владимир Крупин сказал о нём (именно тогда, на некрасовском празднике): «Он делает большое русское дело». Именно так – Мартышин делает большое русское дело. Писатель и журналист, заместитель главного редактора журнала «Москва», он оставил столицу и создал в глубинке Ярославской области русскую школу. В 90-е годы. И сейчас эта школа живёт, учит, развивается, многие специально переезжают в село Ивановское Ярославской области, чтобы дети учились в этой школе. А ведь Владимир Мартышин ещё и священник. Отец Владимир... Делатель большого русского дела! Мы немного успели поговорить с ним и в этот раз, в Карпогорах и Веркале, у Мартышина и возглавляемой им делегации были свои дела, встречи, но хватило и этого, чтобы напитаться духом деятельного добра.

Спасибо Абрамову (и Петрову!) за то, что свёл меня и с ним...

Запомнилась в этот же день встреча с учителями и библиотекарями... Слушатели подготовленные, потому и долгий был разговор, заинтересованный... Тема встречи была обозначена: «Место писателя в современном мире». И говорил я примерно так: место писателя – за письменным столом, прежде всего. Но и встречи с

читателями нужны, и выступления. А разве место того же Мартышина – это не место писателя в современном мире? А когда Белов шёл в девяностые годы на вологодские предприятия, где не платили людям зарплату, и разговаривал, слушал – разве не там было его писательское место, со своим народом... Или когда Казаков заходил в поморские деревни, разговаривал со стариками... Место писателя – сначала в жизни, в народе, а потом уже за столом, а потом уже на встречах с читателями, ибо только тогда будет о чём писать и говорить.

Но нужно понимать, что слова писателя сейчас и слова писателя сорок лет назад имели разный вес. Невозможно было не слышать и не услышать слово Абрамова в 1980 году, и его слышали – и читатели, и «власть», и земляки... Кого слышит сейчас власть? Многие ли читатели слышат сегодняшнего писателя при сегодняшних мизерных тиражах... Да если и слышат – имеют ли слова писателя сегодня тот же вес? Даже если взять Белова – его слова в 1983 году и в 2003 разве равнозначны? Но ведь Белов не изменился за двадцать лет. Он остался таким же великим. Такими же великими остались Абрамов, Распутин, Носов. А что изменилось? Изменились мы, люди, общество... Я намеренно говорил – «слова». Ибо и сегодня человек пишущий, человек, взявший на себя смелость обращаться к людям, должен, обязан верить в силу слова. Эта вера будет вознаграждена дыханием Слова, которое было вначале...

Вот об этом и говорил я в Карпогорах, на встрече с библиотекарями и учителями из разных районов Архангельской области...

НАУЧИТЬСЯ БЫ ЖИТЬ

Как раз закончилась встреча с библиотекарями – звонок из Вологды. Умер Владимир Аринин... Между прочим, первый «живой» писатель, с которым мне довелось общаться... Жизнь идёт по спирали – лет тридцать назад меня подтолкнули в комнату в редакции газеты «Русский Север», где и сидел Аринин, и он взял и просмотрел мои от руки исписанные листочки в клетку... Стихи... Тогда в 1991-м году и состоялась у меня первая публикация. А сейчас, в 2020-м, в Карпогорах по пути на малую родину Абрамова слышу: «Аринин умер»...

Между прочим, в тот единственный раз, когда я был в квартире у Василия Белова, он почему-то рассказывал именно о поездке в Верколу, к Абрамову, к могиле его...

Вечером, уже усыпая и преодолевая сон, листаю, читаю «Чистую книгу» Абрамова. Издание его романа и другой прозы, подаренное нам в Архангельской библиотеке... «Чистая книга» – какое замечательно название!.. И какие мысли! Вот о чём думал и писал Абрамов, например в тетради «к философии романа»: «Однопартийность приводит к вождизму. Судьба страны, народа становится в зависимость от качеств одного человека. Под знамёнами революции можно творить самые чудовищные дела. Плоха система, которая все надежды возлагает на гуманность вождя. А если вождь окажется коварной личностью?»

Трудно поверить, но писал он это в 1962 году. Тогда не то что писать (пусть и только для себя), но и думать таким образом было

опасно. А размышлять эти слова заставляют и сегодня... Неужели это вечный для Руси вопрос?

Вот ещё:

«Страшная штука – диктатура. Всякая. И, быть может, всех страшнее диктатура плебея, диктатура пролетариата, которая на деле всегда будет означать диктатуру демагога...» Это 1976-й год.

«Человек начался не с труда. Человек начался с того момента, когда он узнал Бога».

«Равенство – мечта бездельников и лодырей. Талантливому человеку эта мысль противопоказана в силу его личной особенности».

«Прогресс страны определяется тем, насколько втянута в работу голова массового человека. В отсталой стране у подавляющего большинства используются только руки, а голова в бессрочном отпуску. Это положение, между прочим, до сих пор сохраняется в России». Абрамовское «между прочим» применимо и к дню сегодняшнему – ведь чем только не забивают голову «массового человека», лишь бы не думал. С думающим человеком «государству» труднее справиться. А у нас, почему-то, почти всё время «государство» не помогает жить человеку, а «справляется» с ним...

И вот ещё:

«Историческая беда России – мы раньше научились умирать, чем жить».

Сила и трагедия России: мы научились умирать, но не научились жить».

Да-да, верно... Умирать-то мы научились... Научиться бы жить».

БРАТЬЯ И СЁСТРЫ?

И вот – утро 29 февраля, дата, бывающая раз в четыре года. И день рождения Фёдора Абрамова. Мы едем туда, на его малую родину, к людям, которых он любил, и ругал, и называл братьями и сёстрами, и попрекал равнодушием к делам общественным... Едем мы в Верколу.

Деревня Веркола – родина Абрамова. Конечно, это она изображена в его тетралогии «Братья и сёстры» под названием Пекашино... Окно автобуса замёрзло. Я продышал глазок, но видел лишь белую даль... Через час наш автобус остановился в Верколе. Сегодня здесь живут около трёхсот человек, есть школа, магазин, Дом культуры, музей Абрамова... Но нет, например, действующего сельхозпредприятия. Чем же живёт и кормится эта деревня? Пенсиями? Праздниками? Праздники – кормление ненадёжное...

Вот они – высоченные дома-корабли. Рядом и небольшие дома, а вот и отремонтированный к празд-

нику Дом культуры, сцена на площади перед ним. Прилавки с сувенирами и пирогами. Большие декоративные деревянные кони и живая лошадка с санками для катания ребятишек... Всё готово к празднику...

Снова встречаемся с Владимиром Мартышиным и его командой. Знакомлюсь с писателем из Северодвинска Артёмом Поповым, с которым до этого были знакомы лишь посредством интернета... Это уже третий архангельский писатель Попов, которого я знаю. Ещё: Михаил и Владислав. И все Поповы – хорошие писатели! А ещё поэт Андрей Попов из Сыктывкара – замечательный поэт... Но я отвлекся...

Праздник начинается выступлениями официальных лиц, песнями...

А потом произошло то, что поразило меня. Да и не только меня. От главной площади деревни, вытянувшись в колонну, люди пошли на Абрамовский угор, к дому

Абрамова, к могилам писателя и его жены...

Это была настоящая людская река, в которую оказался вовлечён и я, и Евгений Молев, и Артём Попов, и профессор Петров, и поэт Коржов, и ещё сотни-сотни людей. Все мы стали частью этой реки... Частью народа, братьями и сёстрами. Да-да, был этот момент единения, недолгий, но был...

На высоком холме людская река разлилась озером, окружив две могилы – писательскую с высоким памятником-крестом и вторую – пониже, его верной жены...

И звучали над могилами, над угором, над братьями и сёстрами, над белым простором Пинеги слова молитвы...

Да, Абрамов был коммунист... Но он был и солдат, и боец, он был сын своего времени и слуга своего народа. Он шёл к вере, он восхищался людьми веры. Он уже не просто интересовался, а искал художественные подступы к огромной духовной фигуре святого Иоанна Кронштадтского, земляка, уроженца недалёкой Суры... Путь от членства в партии к церкви и вере проделал Василий Белов, не этот ли путь уже намечался в земной жизни Абрамова, пути же жизни вечной нам неизвестны...

А за Пинегой – монастырь...

И вот кончился миг единения, люди уходили с угора, расходились – кто-то на торжественный «губернаторский» обед, кто-то на масленичное гуляние, кто-то в дом культуры...

Мы втроём отправились в монастырь. Я и Артём хотели дожидаться обещанного автобуса, но художник Молев пристыдил нас:

– Чего тут ехать-то? Километр...

И мы пошли, снова мимо высоких веркольских домов, мимо бревенчатых банек и амбаров, по дорожке, промятой машинами в снежной целине пойменных лугов, и по льду самой Пинеги, и всё близился монастырский берег – сосны, ели, купола храмов...

Евгений то и дело останавливался, чтобы сделать фотографии – во все стороны: и на оставшуюся позади Верколу, и на белые просторы русла Пинеги, и на высокий монастырский берег...

– Это монастырь моего святого, – говорил Артём, как-то по-детски улыбаясь с высоты своего немалого роста... Да, монастырь Артемиево-Веркольский, 16-го века, в честь святого отрока Аремия... Не буду пересказывать здесь ни житие святого, ни историю монастыря. Всё это сейчас несложно найти. Скажу только, что там, в монастыре, хорошо, красиво, спокойно... Брякнул в сигнальный колокол у входа в трапезную монахи, прошли туда какие-то люди... Деревянный храм среди сосен, пока что полуразрушенный собор, ещё каменный храм, могильный крест у алтаря... С трудником Николаем столкнулись на узкой тропинке, и он, этот трудник, оказался очень (но ненавязчиво) приветливым человеком. «Летом здесь хорошо тоже. Приезжайте, поживите. Хоть недели две, тогда почувствуете...» – говорил он. А мы с Евгением уже собирались уходить. Артём задержался. Значит, надо ему... Бывает же так, что человеку надо побыть одному...

Мы с Евгением вернулись в Верколу. А вскоре вся «команда профессора Петрова» снова встретилась в библиотеке, где опять была встреча с читателями.

Читателей было много, а места в библиотеке мало. Но нам, гостям,

не всё ведомо из задумок хозяев, и нам оставалось лишь верить, что всё делается как можно лучше...

Снова Дима Коржов читал стихи, Артём – рассказы из своей ещё пахнувшей типографией книжки «Избачиха»... Профессор Петров говорил об Абрамове и деревенской прозе...

А потом был уже поздний вечер, звёзды в тёмном небе, и кто-то сказал:

– А пойдёте снова на угор...

И в этих звёздных сумерках мы снова шли мимо дома, с устремлённым в небо конём, стояли у небольшого дома Абрамова, построенного им на этом угоре, а рядом упиралась в звёздное небо верхушкой лиственница, воспетая им...

И был путь обратно в Карпогоры, и ещё вечерние посиделки за общим столом в нашей «авиационной» гостинице, и разговор, когда не помнишь, о чём говорили, но помнишь, что было хорошо...

Я должен написать и об этом... Уже вернувшись домой, в Вологду, я увидел в интернете разные отзывы о празднике в Верколе. Если честно, возникали и у меня там эти мысли – вот уедем, и будет здесь не всё так, как сейчас... Интернетные отзывы подтверждали мои мысли. Вот, например, на одном из архангельских сайтов статья без подписи с отзывами веркольцев, с названием говорящим:

«Для галочки?»

Фёдор Абрамов всей душой не переносил показуху. В миниатюре «Галочка» он писал: «Что сильнее и могущественнее всего в нашей стране? Галочка. Многие встречи, соревнования, выставки, сооружения, планы делаются для бумажного отчета, для галочки». Может, и юбилейные торжества по случаю столетия писателя состоялись для галочки?

28 февраля торжества развернулись в Карпогорах, ну а Верколе полным ходом шла подготовка ко встрече высоких гостей.

Над вывозом снега с центральных улиц в этот день, наверное, не пошутил только ленивый. КАМАЗов с надписями «Мезенское дорожное управление» веркольцы не видели в своей деревне никогда. Четыре большегруза при помощи тракторов лихо заполняли кузова снегом и спешили вывезти обилие снежных покровов на ближайшее болото. К слову, что будет в этом месте весной, люди не знают.

Не снегом единым шла подготовка к юбилею писателя. Специально к столетию мастера в Верколе появились фонари, и не один-два, а десяток ярких ламп... Веркольцы полагают, что фонари либо уберут в ближайшее время, либо ограничат подачу электричества. Веры у людей нет.

И еще. К юбилею в деревне появились и многочисленные мусорные контейнеры, стильные деревянные для раздельного сбора мусора. Местные власти накануне юбилея сделали местным жителям предупреждение, чтобы те не выбрасывали мусор в такие контейнеры, поскольку они предназначены для гостей. И это уже не шутки, а суровая истина. К слову, реформа ТКО в деревню еще не пришла, а баки после торжеств спешно убрали.

И ещё про то, как прилетел в Верколу волшебник-губернатор в голубом вертолёте: «У Фёдора Абрамова есть цикл коротких миниатюр под названием «Были-небыли». Любопытна одна из них. Писатель назвал её «Член политбюро едет на дачу»: «Мария Никитична пришла ни жива ни мертва и всё клянёт на свете. В чём дело? Полтора часа добиралась до нас на

трамвае. Духота, жара, люди едут с работы, а движение всё перекрыто: советский Романов едет на дачу».

Фёдор Абрамов в своем цикле миниатюр пытался рассказать о том, что актуально и по сей день, — о показухе, страхе, цинизме, социальном расслоении. Все эти истории он поведал читателю с насмешливым юмором, а иногда и недоумением. А как бы взглянул борец за справедливость и правду Фёдор Абрамов на современные реалии в дни своего столетнего юбилея?..

...В Верколе постоянно проживают 290 жителей. Различные праздники и активности многие из них не приветствуют, поскольку уверены, что все эти события созданы лишь для гостей, а вот об истинных их проблемах никто не хочет слышать. Веркольцы не хотят участвовать в декорациях, ведь они не актеры, а живые люди со своими радостями и огорчениями.

Люди говорят, что в деревне есть ФАП, в котором работает медсестра, а вот фельдшера нет. Чтобы попасть на прием к специалисту, нужно ехать в Карпогоры, чтобы оформить больничный, также нужно ехать в райцентр. А что делать, если у тебя температура под сорок? К слову, время в пути до Карпогор занимает чуть больше часа. Любопытно, что муници-

пальных перевозок в Верколе нет, договаривайся с частником. Стоимость проезда стартует от 1200 до 2000 рублей. Не наездишься. Без помощи властей тут не обойтись, но чиновники почему-то не привыкли слышать людей, они видят лишь вешнюю картинку, лишь декорации и героев в них...»

Вот такая статья с небольшими сокращениями... Да, был «волшебник в голубом вертолёте», были и мусорные контейнеры, которыми, оказывается, местным жителям пользоваться было нельзя. Не знаю, остались ли, работают ли фонари. И мне очень жаль, если местные жители чувствовали себя и свою деревню «декорацией»... Нет, нет! Дорогие веркольцы, праздники приходят и уходят, да, так повелось — гостей, особенно «высоких», официальных, принято встречать с размахом... Как раз всё это показуха — декорация, а вы живые, настоящие... Я бы очень хотел ещё раз приехать в Верколу. Не на праздник, а к людям, к Абрамову...

И всё-таки был, был и в тот день недолгий момент, когда были мы братьями и сёстрами, когда шли на угор, когда звучала молитва, а значит, не зря мы собирались у Абрамова. И мы-то, «команда профессора Петрова», уж точно ездили туда не для галочки...

ЧИСТАЯ КНИГА

И был последний день в Карпогорах. С утра нас повезли в деревню с дивным названием Церкова гора (правда, официальное название укорочено до просто «Церкова»). Дорога рассекает деревню надвое, и по двум сторонам всё те же дома-хоромы, а за ними белый безлесый простор. В одном

из домов и устроена «туристическая изба», в которой и принимали нас — гостей — хозяйки, местные бабушки. Рассказывали сказки, пели песни, дали желающим попробовать свои способности в гончарном деле... Евгений Молев не усидел в избе, и хотя на улице была нешуточная вьюга, убежал

фотографировать дома и амбары. Вернулся он вовремя – к кашам и пирогам, приготовленным в печке. Это было очень вкусно...

Я ещё успел познакомиться с одной из бабушек – Ия Максимовна её зовут. Здесь и родилась она, и прожила всю жизнь...

– Ни колхоза, ничего здесь теперь нет. А раньше-то был колхоз, как же... И лес-то весь уже повырубали... Нет леса – вот они ветры-ти буйные и гуляют... – говорила она и в этом бесхитростном рассказе была очень похожа на тех вологодских бабушек, с которыми приходится беседовать мне по газетной работе или по своему желанию...

А потом была ещё одна, теперь уже заключительная, встреча с читателями в Карпогорской библиотеке – во владениях беспокойного директора этой библиотеки Людмилы Колик...

Молев все эти дни порывался добраться до деревни Шатова гора и сейчас не вытерпел, вызвал такси и уехал в эту таинственную Шатову гору... А мы расположились в одном из залов библиотеки и снова рассказывали о своих книгах и говорили о жизни.

Я наконец-то подарил свои «Кружевные сказки» заведующей Карпо-

горской детской библиотекой Любови Родионовой. Подарил и другие книги. Дмитрий и Артём тоже...

От книг разговор по инициативе пришедших на встречу читателей перешёл к жизни современной деревни, и я говорил примерно следующее:

– Чем живём-кормимся?.. Сорок с лишним лет назад задал Фёдор Абрамов этот вопрос в открытом письме к своим землякам, к вам.

О чём он писал тогда?.. О том, что разучились работать на своей земле, что, сваливая все беды сельской жизни на «начальство», сами опустили руки... Что сказал бы он нам сегодня? Не знаю, не могу за него говорить. Но, исходя из того, что он писал и говорил, исходя из личного опыта, думаю, что мало хорошего о нынешней русской жизни сказал бы Абрамов...

В своём творчестве Абрамов, Белов, Распутин поднимали тему обмеления, умирания русской и, прежде всего, деревенской жизни. Тему «раскрестьянивания». Но если они говорили о «раскрестьянивании», то нынче в пору вести речь о расчеловечении, о попытках расчеловечения... Помните, как на встрече в Останкине Абрамов

рассказывал о поездке в США? Приехали на ферму – там всё механизировано (это, видимо, 70-е годы)... Он говорил тогда как о чуде каком-то о той ферме. Рассказывал, как спросил у фермера, знает ли тот клички коров – тот удивился, мол, зачем... И задал вопрос Абрамов: вот если к нам придут такие фермы – для экономики это может и хорошо будет, а вот для души хорошо ли, если не будет доярок, не будет кличек у коров? И сам же ответил, что, наверное, не очень хорошо.

Прошли годы – такие фермы, наверняка даже более технически оснащённые, есть и у вас в Архангельской области, и у нас – в Вологодской... Крестьян, практически, раскрестьянили, коров извините – «раскоровили», превратив их в станки для производства молока... Что дальше-то? Корова без навоза? Робот, в который загружается трава или даже какие-то вещества, а вытекает из которого молоко?.. Я, конечно, не за тяжёлый, и почти рабский в колхозное время, труд доярок, но я и не за повсеместную роботизацию. Точнее, скажу так – я против только экономической выгоды, причём скоротечной. Если на ферме тысяча голов скота, а обслуживают эти рогатые головы четыре человека, то возникает вопрос: а где же все остальные работавшие когда-то на ферме десятки людей? Чем они живут-кормятся? Можно пометать, что люди, освободившись от тяжёлой работы на ферме, занимаются личным подсобным хозяйством, избытки со своих огородов продают на ближайших яр-

марках, ремёслами занимаются, творчеством... Помечтать можно. Чем занимаются на самом деле, вы и без меня знаете...

В общем, не особо весёлый разговор получился, но хорошо, что он был...

И снова был ночной перрон, морозец, звёздное небо – это мы уезжали из Карпогор... Утром были в Архангельске, прощались с профессором Петровым, с Артёмом, с Димой Коржовым... Ещё успели поговорить в вокзале и тоже простились с отцом Владимиром – Владимиром Сергеевичем Мартышиным. И в семь утра сели в поезд Архангельск – Москва с билетами до Вологды...

Шёл снег, потом снег с дождём, потом дождь. Были полустанки и станции, на некоторых когда-то мне доводилось выходить, там и сегодня живут люди, которых я помню, – Няндомы, Коноша...

Евгений Молев, обрабатывает фотографии, может, готовится к картинам – глядишь, и покипит ещё борщ в нашей кастрюльке...

Сумка моя полна подаренных книг и журналов, которые мне читать и читать... Читать Петрова, Коржова, Попова. Читать и перечитывать Абрамова... Так что вернулся я от Абрамова к Абрамову, к его слову, к его «Чистой книге» – за ней ведь и ездил.

Кто-то наверняка скажет, что же ты не обо всех, с кем был в те дни, написал. Я отвечаю: всему есть причина. Всегда ли нужно писать обо всех и обо всём? Иногда лучше и помолчать...